

В этот момент во всех уголках Магического колледжа люди в ужасе смотрели на небо.

— Что это, черт возьми, такое?! — разносились повсюду испуганные крики.

Сотрудники вспомогательной службы «Окно» по всей стране в панике обрывали телефоны руководства.

— Барьер Владыки Тэнгэн ведет себя неестественно! — дрожащими от страха голосами докладывали информаторы. — Он... он эволюционирует в существо высшего порядка!

Дерево, в которое обратилась Тэнгэн, разрасталось с пугающей скоростью. Оно уходило вершиной прямо в облака, и снизу казалось, что у него вовсе нет конца. Исполинский темно-бурый ствол был настолько широк, что его не смогли бы обхватить и десять взрослых мужчин. Сморщенная, потрескавшаяся кора лежала грубыми пластами. Уродливые, узловатые корни уходили глубоко в землю, с жадным всхлипом высасывая из почвы последние соки и оставляя после себя лишь мертвую, иссушенную пустыню. По стволу вились бесчисленные извивающиеся лозы; словно повинувшись собственной зловещей воле, они тянулись во все стороны, хватали любое живое существо и намертво вплавляли его в плоть гигантского дерева.

Какую же гору плоти и реку крови пришлось принести в жертву, чтобы взрастить этого монстра? Неужели Тэнгэн бросила в это жерло не только собственное существование, но и души всех некогда поглощенных Звездных Сосудов Слияния?

В памяти А-Эра невольно вспыхнул образ Рико Аманай: вот она стоит на берегу моря, и в ее глазах, синих, как сапфиры, колыхнется отражение волн. И тут же перед мысленным взором возникла А-Си из прошлой жизни — съездившаяся, обхватившая руками колени. На ее лице застыло тупое оцепенение, а губы беззвучно шептали:

«Я не понимаю... Неужели мы рождаемся только для того, чтобы страдать и мучиться?»

Владыка Тэнгэн... нет, его дорогая А-Си изменилась до неузнаваемости.

Но ради какой цели она сотворила это с собой? Что за безумная идея ведет ее вперед?

А-Эр вспомнил рассказ Кэндзяку. Любимую сказку А-Си: историю о проклятых близнецах, которые после долгих скитаний и лишений решили умереть под сенью того самого дерева, под которым появились на свет, чтобы наконец слиться воедино.

И ее недавние слова о том, что она изменит этот мир собственной силой.

Неужели...

Ее замысел мало чем отличался от планов Кэндзяку. Тэнгэн вознамерилась насильно ассимилировать все человечество, стерев границы индивидуальности, и создать мир, где каждый станет магом.

Этого нельзя допустить. Целью А-Эра было пройти игру, а подобный финал больше походил на досрочный и сокрушительный проигрыш. Значит, крах нужно предотвратить любой ценой.

Но неужели ему придется собственноручно оборвать жизнь А-Си?

А-Эр устремил взгляд на исполинскую крону. Дерево будто разорвало изнутри прежнюю плоть Тэнгэн. Те, кого уволокли лозы, висели на стволе с плотно закрытыми глазами. Они еще дышали, их сердца бились — по всей видимости, их сознание просто затаило в ментальный мир прародительницы барьеров.

В мыслях снова замелькали обрывки воспоминаний из прошлой жизни: они втроем сидят под деревом и тихо делятся историями.

Нет, крайние меры могут и не понадобиться. Если достучаться до изначальной личности А-Си, возможно, получится вернуть ее назад. А для этого им позарез нужна Рико Аманай, реинкарнация ее погибшей сестры-близнеца.

Не теряя ни секунды, А-Эр бросился на поиски Рико.

При встрече он высказался туманно, объяснив лишь, что только она способна помочь отыскать изначальную личность Владыки Тэнгэн. А-Эр умолчал о том, что девочка — перерождение сестры А-Си. В некоторых вопросах он проявлял странное, почти глупое упрямство: во-первых, не хотел вваливать на плечи юного Сосуда непосильную ношу чужого прошлого, а во-вторых, твердо верил, что Рико должна услышать эту правду из уст самой А-Си.

Мисато Курои пришла в ужас и категорически воспротивилась этой затее, но сама Рико, выслушав А-Эра, согласилась. За маской капризной девчонки скрывался сильный характер. Ей было страшно до дрожи, однако чувство долга пересилило страх — она слишком хорошо помнила, что в прошлый раз А-Эр едва не погиб из-за нее.

А-Эр и сам колебался. Давать гарантии безопасности в такой ситуации было бы чистой ложью. Но Рико лишь мягко улыбнулась:

— Не знаю, почему именно я могу достучаться до Владыки Тэнгэн... Может, дело в том, что я Звездный Сосуд Слияния? Но если ты пришел ко мне, Сидзу, значит, я действительно могу помочь. Я пойду с тобой. Владыка Тэнгэн... вернее, та, кем она была до всего этого... Она ведь очень дорога тебе, верно?

А-Эр долго молчал, глядя в сторону, прежде чем из его горла вырвалось тихое, хриплое:

— Да.

Происходящее с Тэнгэн вызвало небывалый хаос. И если среди обычных людей панику еще удавалось сдерживать силами правительственных ведомств, посвященных в тайны шаманов, то в магическом сообществе разверзся настоящий ад. Не только рядовые маги, но и самые отъявленные проклинатели были от ужаса, костеря шаманов на чем свет стоит:

— Да что с вами не так?! Тэнгэн должна быть вашим божеством, хранителем мира! Почему это чертово божество вдруг превратилось в чудовище, желающее сожрать души всех людей?!

Даже высокомерные старейшины из великих кланов, вечно кичившиеся своей чистой кровью, теперь дрожали как осиновые листья.

Исполинские плети хватали людей без разбора, и каждый до смерти боялся оказаться следующей жертвой слияния. Дошло до того, что фанатичные сектанты, верившие, что Владыка Тэнгэн должна оставаться чистым божеством и не опускаться до слияния со смертными, объединились с магами и проклинателями в попытках остановить катастрофу. В то же время другая часть безумцев, считавшая величайшей честью раствориться в теле богини, толпами бежала к границам барьера, умоляя лозы забрать их, пока на стволе еще оставались свободные места.

Мир магов трещал по швам. Сатору Годзё разрывался на части, его личный телефон разряжался от бесконечных звонков старейшин и руководства колледжа. А-Эру с огромным трудом удалось дозвониться до него и изложить свой план.

Ни Сатору, ни Сугуру Гэто идею не оценили. Оба в один голос твердили, что риск неоправданно велик, и разумнее отнестись к Тэнгэн как к проклятию особого ранга и просто изгнать ее.

Однако А-Эр упрямо стоял на своем. Он верил, что А-Си еще можно спасти, что она не перешла ту черту, за которой лежит лишь окончательное уничтожение.

Рико тоже проявила редкое упорство. Если дома она соглашалась лишь из желания помочь А-Эру, то теперь, завидев вдали колоссальное дерево, ощутила внутри странный, щемящий отклик — словно она смотрела на собственную оторванную половину.

Поняв, что отговаривать упрямцев бесполезно, союзники уступили. Шаманам оставалось лишь расчистить им путь к самому сердцу исполинского дерева.

Сатору, предварительно осмотрев дерево с помощью Шести Глаз, обнаружил в самом центре ствола скрытую расщелину, надежно укрытую сплетением толстых ветвей. Без его феноменального зрения заметить этот проход было практически невозможно.

Там, в глубине древесной плоти, билось ядро Тэнгэн. Если А-Эр и Рико сумеют пробраться внутрь, у них появится шанс проникнуть в ментальный мир А-Си и пробудить ее разум.

Разумеется, это была лишь безумная теория, но А-Эр готов был поставить на нее все.

Стоило им сделать шаг в бездну расщелины, как реальность со свистом схлопнулась. На них обрушился яростный шквал чужих воспоминаний и голосов. Это были осколки чужих жизней — голоса сотен Звездных Сосудов Слияния, когда-то поглощенных Тэнгэн.

— Мама, мне так страшно...

— Где А-Син?

— Наконец-то... так спокойно...

— Что это за место? Где мой братик?

— О великое, милосердное божество...

Лавина чужих эмоций сдавила виски, вызывая дикую тошноту и острую боль в ушах. Эти крики и обрывки чужих судеб ослепляли, сбивали с толку. А-Эр и Рико отчаянно пытались вычленить среди этого безумного хора хоть крупицу, принадлежащую изначальной А-Си, но пробиться сквозь хаос казалось непосильной задачей.

А-Эр не понимал, в каком виде они здесь находятся — разум? Или бесплотные души? Очевидно было одно: это не физический мир. Их настоящие тела, скорее всего, безжизненно повисли снаружи в тисках древесных лоз, погрузившись в глубокую кому. Малейшая ошибка здесь могла обернуться смертью мозга в реальности.

Он крепко сжал ладонь Рико и повернулся, чтобы предупредить ее:

— Держись крепче, если мы разделимся, то...

Договорить он не успел. Пальцы Рико внезапно выскользнули из его руки, а вместо нее лозы бесцеремонно подпихнули к нему какую-то совершенно незнакомую испуганную девушку.

А-Эр едва сдержал раздраженный вздох.

«Они что, действительно думают, что я не замечу подмены?»

Плети, словно почуяв его ярость, поспешно втянулись обратно во тьму. Времени на злость не

было — внутри нарастал ледяной страх за Рико. Вокруг расстилалась абсолютная, звенящая пустота. Это место невозможно было назвать просто комнатой или пространством: во все стороны простиралась слепящая белизна, лишенная малейших ориентиров, будто ленивый художник забыл набросать задний план, оставив персонажа на чистом листе бумаги. Куда бежать? В каком направлении искать? Любой неверный шаг мог отнять драгоценные секунды.

А-Эр уже собирался полоснуть себя ногтями, чтобы вернуть трезвость мысли через физическую боль, как вдруг за его спиной раздался прохладный, но до боли знакомый голос:

— Не паникуй. Она там, где сейчас находится изначальный разум А-Си. Они близнецы, и стремление воссоединиться с душой сестры заставит ее эго подняться на поверхность. Ее подсознание оберегает тебя, поэтому лозы утащили только девчонку Аманай. Но глубоко внутри она все еще любит тебя, тоскует по тебе и жаждет твоего благословения. Успокой разум — и ты найдешь к ней дорогу.

А-Эр резко обернулся, но позади никого не оказалось. Лишь звенящая белая тишина.

Он лихорадочно открыл полупрозрачное системное меню. Строка **[Проклятие любви Сатору Годзё]** мерцала ровным алым светом.

А-Эр почувствовал: это не системная ошибка. Из-за проклятия крошечная частица души Сатору навсегда осталась привязана к нему. И здесь, в ментальном мире эволюционирующей Тэнгэн, эта связь на мгновение позволила духу его друга из прошлой жизни проявиться в сознании. Всего лишь мимолетный шепот, но он заставил ледяные тиски страха на сердце разжаться.

«Спасибо тебе», — мысленно поблагодарил А-Эр.

Взгляд его потеплел. Обретя былую уверенность, он бросился вперед, сквозь бесконечную белизну, ведомый лишь интуицией.

Шурх... шурх...

До его слуха донесся мерный, едва различимый шум прибоя — нежный, умиротворяющий и полный невыразимой тоски. Вокруг по-прежнему высилась слепящая пустота, но А-Эр чутко повернул голову на звук. В этот момент он успел заметить, как окутанное мягким свечением тело Рико бесследно исчезает в невидимом провале. Не раздумывая, А-Эр бросился следом и прыгнул в сияющую расщелину.

Когда он вновь открыл глаза, перед ним раскинулся безбрежный, уходящий за горизонт океан. Легкие волны лениво накатывали на невидимый берег, рождая тихую, баюкающую мелодию. А-Эр стоял посреди этой бескрайней, замершей в безмолвии водной глади.

В самом центре этого океана высился одинокий островок, на котором росло колоссальное дерево. Влажный соленый ветер шевелил его раскидистую крону, срывая редкие изумрудные листья, которые медленно опускались на воду. Эта картина, невозможная в материальном мире, завораживала своей величественной печалью.

А-Эр сразу все понял. Это был сокровенный уголок души А-Си.

«Наконец-то я нашел тебя».

Безмятежно спящая Рико лежала прямо у подножия исполинского ствола. Судя по всему, А-Си пока не собиралась поглощать ее душу, однако в ее полубессознательном, зыбком состоянии инстинкты могли возобладать в любой момент. Мешкать было нельзя.

А-Эр шагнул вперед, направляясь к островку. Хотя океан казался бездонным, вода едва доходила ему до щиколоток, упрямо отказываясь подниматься выше. Но сколько бы шагов он ни делал, спасительный берег с деревом оставался все так же недостижимо далек, словно мираж в пустыне.

— А-Си... — негромко позвал А-Эр. — Ты здесь?

Ему ответил лишь тихий, безучастный вздох прибоя.

А-Эр опустил взгляд. Вода под его ногами была настолько чистой и прозрачной, что напоминала идеально отполированное зеркало. Присмотревшись, он заметил, как в глубине, под тонкой пленкой воды, проносятся смутные, колеблющиеся образы.

Он потрясенно замер. Это был не просто океан. Перед ним простиралось море чужого сознания.

Приняв решение, А-Эр преодолел инстинктивное сопротивление тела и умышленно шагнул в глубину, позволив себе утонуть.

Вода, едва касавшаяся лодыжек, мгновенно сомкнулась над его головой, превращаясь в бездонную пучину. Прозрачное снаружи, море внутри оказалось чернильно-черным, поглощающим любой свет. Это был мертвый океан — здесь не было ни рыб, ни водорослей, лишь леденящая душу пустота и бесконечное давление толщи воды.

А-Эр медленно погружался все глубже. Легкие начало жечь от нехватки кислорода, но гораздо страшнее была ментальная волна — чужие воспоминания грубо, безжалостно хлынули в его разум, выжигая собственные мысли.

«Не хочу умирать! Не хочу! Не хочу!»

Это было воспоминание о том, как маленькая А-Си давным-давно случайно упала в бурный речной поток.

«Живи... ты должна жить...»

Последний предсмертный шепот ее сестры-близнеца.

«Дышать... как же больно... больно...»

Ее врожденная техника бессмертия превратилась в проклятие. Не имея возможности умереть, А-Си раз за разом захлебывалась в ледяной воде, шла ко дну, теряла силы, но ее измученное тело продолжало жить. Пройдя через круги адских мук бесконечного утопления, она наконец научилась плавать вопреки парализующему страху. Но когда она, изможденная, выползла на берег, соплеменники смотрели на нее не с облегчением, а с суеверным ужасом — как на восставшее из мертвых чудовище.

А затем перед глазами встала сцена их первой встречи.

А-Си лежала связанной на земле, а вокруг толпились безумные люди, собиравшиеся принести ее в жертву духам. И тут появился он.

А-Эр никогда не задумывался, как выглядел в глазах окружающих в тот день. На этих кадрах чужой памяти он медленно выходил из глухой чащи, окруженный клубами зловещего темного тумана. Его лицо, безупречное и неземное, казалось изваянием из белого мрамора. На губах играла мягкая улыбка, но этот изгиб был настолько идеален, что лишал образ всякой человечности. Он не походил на спасителя-божество — скорее на прекрасного, смертоносного демона.

Он без малейших усилий разогнал нападавших. Одним легким движением острого когтя перерезал путы и бережно поднял на руки дрожащую, обессиленную девочку.

И в этот самый миг... в душе спасенного ребенка родилось страшное, темное чувство.

Не благодарность. Ненависть.

«Зачем... зачем ты показал мне, что такие люди существуют в этом мире?»

Если бы она не знала о его существовании, она могла бы и дальше безропотно сносить удары судьбы. Могла бы твердить себе, что во всем виноват рок: и в том, что разбойники вырезали ее деревню, и в том, что сестра сгорела от лихорадки, насланной проклятием, и в том, что ее саму ненавидят за дар бессмертия. Она бы верила, что иначе быть просто не могло.

Но теперь она знала, что на свете есть тот, кто способен разрешить все эти беды одним щелчком пальцев. И осознание этого делало ее собственное бессилие невыносимым, заставляя люто ненавидеть и себя, и свою никчемную жизнь.

Она возненавидела своего спасителя дикой, иррациональной злобой, похожей на злость запертого в кувшине джинна.

«Почему ты не пришел раньше? Почему не спас мою сестру, мой дом, мою погубленную жизнь? Зачем ты явился именно тогда, когда я уже окончательно сломалась и похоронила всякую надежду?»

И больше всего на свете она презирала саму себя за эту черную неблагодарность к нему.

Погружаясь все глубже в темные воды и захлебываясь горькими мыслями А-Си, А-Эр испытывал сложное, щемящее чувство. Тогда, много лет назад, спасенная им девочка лишь молча и покорно шла следом за ним. Он списывал ее немоту на шок и недоверие к чужакам, даже не подозревая, какая буря ревности и обиды бушевала в ее маленьком сердце.

А-Эр невольно спросил себя: не было ли его нынешнее стремление спасти ее обычной эгоистичной попыткой самовыражения? Он подверг смертельной опасности Рико ради призрачного шанса искупить вину прошлого. Может, действительно было бы милосерднее отбросить сантименты и просто уничтожить Владыку Тэнгэн?

Ментальная лента крутилась дальше. Вот А-Си постепенно привыкает к новой жизни, сближается с Кэндзяку, деля с ним детские игры. Вот А-Эр встречает Сатору, и тот забирает их в поместье Годзё...

Среди лавины образов один фрагмент привлек особое внимание А-Эра. В нем А-Си сталкивается с Наоей Дзэнъином. В консервативном клане Дзэнъин женщин ни во что не ставили, и спесивый мальчишка презирал А-Си всей душой. Девочка платила ему взаимной неприязнью, но глубоко в сердце тайно сочувствовала ему.

«То, как Наоя смотрит на Сидзу... — думала она тогда со злорадным состраданием. — Неважно, любовь это, ревность или слепая ненависть, Сидзу никогда не обратит на него внимания. Какая жалкая участь — любить или ненавидеть подобное существо».

Конечно, Сатору и Кэндзяку ушли недалеко, но Сидзу хотя бы признавал их — одного как друга, другого как младшего брата. Пусть даже в итоге безжалостно бросил обоих.

А-Си отчаянно завидовала Кэндзяку. Да, она искренне любила его как названного брата, но это не мешало черной зависти разъедать ее изнутри. Кэндзяку делил с Сидзу одну кровь, был его близнецом, объектом его бесконечной, нежной заботы.

«Если бы мы с сестрой с самого начала родились его родными сестрами, разве все сложилось бы так трагично?» — задавалась она вопросом.

Она знала, что Сатору испытывал похожие чувства. Именно поэтому Годзё упорно игнорировал Кэндзяку, не желая видеть в нем продолжение самого Сидзу.

Но какими бы сильными ни были их чувства, в конечном счете Сидзу оставил их всех.

«Как же все мы жалки...»

Следом шло воспоминание об их последнем серьезном разговоре.

«Я не понимаю... Неужели мы рождаемся только для того, чтобы страдать?»

Она говорила это, вглядываясь в прекрасное, изрезанное шрамами от проклятой техники лицо А-Эра. В ее душе вновь вскипала глухая обида.

«Почему ты можешь уйти так легко? Оставив нас без малейшего сожаления?»

Перед глазами А-Си вставало улыбающееся лицо умирающей сестры, умоляющей ее жить.

«Почему ты не забрал меня с собой?»

Но, увы, таков был закон этого мира. Заметив, как омрачилось лицо А-Эра от горьких мыслей, А-Си печально подумала: «Даже у этого всемогущего существа есть вещи, которые ему не под силу...»

«Какой он несчастный... Человек, не способный любить и не умеющий принять чужую любовь».

Время шло неумолимо. Спустя два года, холодной зимой, Сатору Годзё внезапно закрыл глаза навсегда. Вслед за ним оборвалась и жизнь А-Эра — его убил Наоя Дзэнъин. Наоя заперли в темницах клана; А-Си не знала его дальнейшей судьбы и знать не хотела. Ее не удивил этот безумный поступок — Наоя давно жаждал наложить на Сидзу сильнейшее проклятие своей любви и ненависти. Но даже если бы Сидзу знал об этом заранее, он лишь равнодушно пожал бы плечами.

Вскоре ушел и Кэндзяку. Перед прощанием он открыл ей тайну: их названный брат не погиб окончательно. Он поделился своими планами и ушел, оставив ее в полном одиночестве.

Оставшись наедине с миром, лишенным всех, кто был ей дорог, А-Си начала задумываться о своем предназначении.

Однажды она постигла закон вселенского баланса. Проклятия в эту эпоху стали неизмеримо сильнее именно из-за ее рождения. Более того, именно ее врожденное бессмертие косвенно привело к гибели ее сестры. Вся ее жизнь была соткана из нитей причинно-следственных связей.

Все в мире предопределено кармой.

«Если судьба даровала тебе великую силу, способную перевернуть порядок вещей, и эта же сила принесла окружающим лишь неисчислимые страдания... то ты обязана использовать ее во благо. Просто закрыть глаза и владеть тихое существование — непростительный грех».

Она отреклась от прежнего имени и человеческой сути, обратившись во Владыку Тэнгэн, чтобы стать немым щитом этого мира.

Разум А-Эра продолжал тонуть в пучине чужого сознания. Ощущение удушья становилось невыносимым, мысли путались, а самоидентификация начала опасно размываться. Он отчетливо понимал: еще немного, и он окончательно растворится в сущности Тэнгэн, став лишь безликой каплей в океане ее памяти. Он попытался рвануться к свету, но тело сковал паралич — глубина держала его слишком крепко.

Если так пойдет дальше...

Внезапно резкий укол боли привел его в чувство. А-Эр открыл глаза и увидел, что иконка ****[Проклятие любви Сатору Годзё]**** на системном экране горит ядовито-красным пламенем. В ту же секунду его пронзило жуткое ощущение чужого присутствия. словно из бескрайней космической пустоты на него обратился чей-то колоссальный, всевидящий взор.

А-Эр вспомнил свои давние догадки о природе Сатору Годзё — человека, несущего в себе дар Шести Глаз и обреченного на бесконечные циклы перерождений. Еще тогда он подозревал, что истинный Сатору — существо непостижимого, высшего порядка, неспособное напрямую спуститься в этот мир и потому посылающее свои аватары сквозь колесо сансары.

Неужели сейчас, находясь в сознании эволюционирующей Тэнгэн, А-Эр привлёк внимание этой высшей сущности? Но он ничего не знал об этом истинном Сатору!

Подождите... Это чувство... Ощущение чужого взгляда было слишком осязаемым, до безумия странным.

А-Эру показалось, будто невидимый язык нежно и неторопливо слизывает капли воды с его кожи. Физического контакта не было, он продолжал падать на дно бездны, но все его существо охватил нестерпимый жар. Это прикосновение было глубже любого телесного контакта: неведомая сила ласкала, обнимала и целовала саму его душу.

Безумно... пугающе сладко.

Эта шоковая терапия помогла ему вырваться из плена воспоминаний А-Си, но инстинкт самосохранения кричал, что нужно немедленно бежать. Иначе случится нечто необратимое. В худшем случае — полный провал миссии, в лучшем — он навсегда останется пленником этого бесконечного кошмара.

Нужно пробудить А-Си! Но как?

Не успел он принять решение, как мир перед глазами покачнулся и с треском раскололся.

А-Эр оказался посреди безмолвного, уходящего во тьму березового леса. В черном бархате ночного неба неподвижно застыл ослепительный диск полной луны. Вокруг царила мертвая тишина, пропитанная едва уловимым, сводящим с ума безумием. Казалось, эта луна — не просто небесное тело, а гигантское око, пристально следящее за каждым его шагом.

«Неужели это очередное воспоминание А-Си?» — растерянно подумал А-Эр.

Ветра не было, но со всех сторон доносился вкрадчивый, шелестящий шепот, будто ветви деревьев тихо переговаривались между собой. В этих зарослях кто-то прятался?

А-Эр присмотрелся и похолодел. На белой коре берез одна за другой проступали узкие глазные щели. Веки медленно разлепились, являя миру бесчисленные, светящиеся потусторонним неоновом-голубым светом зрачки. Весь лес, состоящий из тысяч деревьев, уставился на него своим безумным, замороженным взором.

Даже находясь в теле Сидзука Годзё — персонажа с самым высоким уровнем морали среди его игровых воплощений — А-Эр не сдержал отборного ругательства. Это определенно не имело отношения к Тэнгэн. Его затащило в ментальный домен истинной сущности Сатору Годзё.

Как отсюда выбраться? Паника грозила захлестнуть его с головой. А-Си все еще не спасена, Рико в опасности, а он застрял здесь, лицом к лицу с пугающим величием первородного Сатору.

Пока он лихорадочно искал выход, березы, мгновение назад стоявшие поодаль, бесшумно сомкнули кольцо. Он оказался в самом эпицентре этого кошмара из плоти и дерева. А-Эр не сделал ни шага, березы тоже не двигались с места, но за те секунды, что его разум пребывал в оцепенении, пространство неестественно сжалось.

Уродливые ветви потянулись к нему, оплетая плечи и ноги, затягивая вглубь этого безумного мира. Глаза на стволах не мигая сверлили его тело, выжигая сапфировый свет на его собственной душе. Даже луна превратилась в исполинский зрачок, затопивший все его существо своим призрачным сиянием.

Его созерцали.

Его созерцали.

Его созерцали.

Тысячи, миллионы глаз уставились на него одного. Взгляд проникал под кожу, растворял кости, лишал воли.

Взгляд, взгляд, взгляд, бесконечный, давящий, всепоглощающий взгляд...

Они смотрели на него. Смотрели со всех сторон, проникая в самые потаенные уголки разума.

А-Эр потерял фокус. Взгляд затуманился, мысли превратились в кашу, а в ушах зазвучал хор липких, шепчущих голосов. Они звучали почти одинаково, но при этом каждый нес в себе свой неповторимый оттенок безумия. Этот хор опутал его мозг, доводя чувствительность рецепторов до предела. Тело А-Эра крупно задрожало.

— Сидзу...

— Сидзу...

— Как же я люблю тебя...

— Останься здесь. Навсегда.

— Будь с нами. Вечно.

— Вечно...

Вдруг чьи-то ладони мягко опустились ему на лицо со спины, закрывая обзор.

— Не смотри на них, — раздался тихий, вкрадчивый голос у самого уха. — Ты им слишком нравишься. Если продолжишь смотреть, они заберут тебя навсегда.

Этот голос... Это был Сатору.

Но какой именно из всех его воплощений?

— Иди вперед и не оборачивайся, — продолжал шептать спаситель. — Сделай шаг во тьму, и ты вернешься к А-Си.

А-Эр послушно закрыл глаза и пошел наощупь. Во время ходьбы мягкие, скользкие предметы то и дело задевали его плечи и щеки. Были ли это листья берез, их ветви... или живые глазные яблоки?

Длинные, пушистые ресницы щекотали его обнаженную кожу, посылая по натянутым струнам нервов электрические разряды. Временами он натывался на влажные, упругие сферы, скользившие по его рукам.

Его знобило от могильного холода этого места. Темнота лишала равновесия, но чужие ладони на лице продолжали уверенно вести его вперед. Тот же спокойный, бесстрастный голос направлял каждый шаг:

— Не останавливайся. Иди вперед.

Где-то на периферии сознания раздавались разочарованные, обиженные возгласы сотен лесных обитателей, но А-Эр больше не обращал на них внимания. Весь его мир сузился до прикосновения теплых ладоней и тихого шепота над ухом.

Казалось, этот путь длился целую вечность. Наконец до его обоняния вновь донесся резкий, свежий запах соли и йода.

— Прощай, — прошептал голос за спиной.

Ладони соскользнули с его лица, и голос начал стремительно растворяться в шуме набегающих волн. Но перед тем как окончательно исчезнуть, А-Эр успел разобрать тихую, брошенную кому-то яростную фразу:

— Пошли вон. Он мой друг. Не ваш.

А-Эр резко распахнул глаза. Он снова находился под водой, океан баюкал его тело. Совершив резкий рывок, он судорожно открыл игровое меню.

Строка **[Проклятие любви Сатору Годзё]** бесследно исчезла из списка активных статусов.

<http://bllate.org/book/18335/1760512>